

Смерть пришла весной, и она сверкала, как золото.

Мальчик, пасший овец, не сразу услышал цокот копыт. Всадники беспорядочной кучей выскочили из леса на темно-зеленое пастбище, из синей длинной тени деревьев — наружу, в красный свет. Однако мальчик отвел глаза и полностью сосредоточился на волынке и на мелодии, которую из нее извлекал. Он поднял взгляд только тогда, когда от грохота копыт у него задрожали внутренности. Овцы заблеяли и стали жаться друг к другу.

Мальчик встал. Мундштук выскользнул у него изо рта, а когда он прижал к себе мех, волынка издала жалобный звук. Стук копыт заставил его задрожать, а на глаза навернулись слезы.

Всадники были одеты как обычные кирасиры: панцири длинной до колен и шлемы на головах, но мальчик этого не знал. В его глазах они выглядели безликими существами, а в свете вечерней зари казались сделанными из чистого золота; обнаженные лезвия их мечей отбрасывали блики. Кирасиры рассыпались длинной разорванной цепью и образовали дугу, подобно огромной руке, протянувшейся к отаре и ее одинокому пастуху. Собака вылетела из-за стада и бросилась навстречу всадникам. Ее лай потонул в грохоте копыт, а затем и тело ее исчезло в вихре из скачущих галопом ног, высоко подброшенного дерна и земли, как будто ее никогда там и не было. Овцы, как по команде, развернулись и побежали прочь: живая волна, высотой по пояс, из грязно-белой вьющейся шерсти, панически выпученных глаз и раскрытых пастей, которая омывала тощее создание, будто вросшее в землю и судорожно сжимающее волынку. Золотое сияние панцирей и танцующие солнечные блики были настолько прекрасны, что от их вида перехватывало дыхание. Мальчик заморгал.

Один из кирасиров развернулся, низко нагнулся, не вставая с седла, и мозг мальчика, совершенно оцепеневшего от неожиданности и удивления, дал команду высоко поднять руки и протянуть их всаднику. На него будто налетели запах лошадей

и грохот копыт, и за мгновение до того, как всадник проскочил мимо, он почувствовал, как его поднимают вверх и перебрасывают через седло. Волынка упала и была мгновенно растоптана копытами. Его трясло и швыряло в разные стороны, легким не хватало воздуха, а живот сдавило с такой силой, что его неминуемо бы вырвало, если бы желудок не был абсолютно пуст. Ему показалось, что он летит. Рука в ратной рукавице грубо прижимала его к закованному в броню телу, однако он не чувствовал боли. Он летел! Ноги лошадей казались вихрем из мышц, сухожилий и лоснящейся шкуры, комья земли били ему в лицо. Он чуть не вывихнул себе шею, пытаясь поднять голову, и впился взглядом в бородатое грязное лицо под сверкающим золотом шлемом. Резкий поворот, во время которого он едва не слетел с лошади, и солнце оказалось за спиной кирасира, отражаясь от панциря и слепя мальчика. Он увидел, как губы на лице под шлемом раскрылись, увидел коричневые от налета зубы; многих зубов не хватало. Губы искривились, и мужчина громко рассмеялся.

Мальчик тоже засмеялся.

Когда они добрались до подворья, где жил мальчик, рейтар осадил лошадь, и его добыча соскользнула на землю. Ноги у паренька подкосились, и он упал, но когда поднял глаза, то снова рассмеялся.

Подворье уже погрузилось в тень, золотое свечение превратилось в блеск железа и слабое мерцание покрытых бронзой шлемов. По двору между зданиями бродили овцы. Хозяин никогда не позволил бы им свободно бегать по двору: даже на стрижку их заводили в загон. Их неловкие прыжки снова рассмешили мальчика.

К ним приблизился второй кирасир, на чьей лошади он был сюда.

— Веселый мальчуган, — заметил кирасир. — Он точно здесь живет?

— Где ж ему еще жить? Во всей округе других домов нет.

Первый рейтар перевел взгляд на мальчика, который уже снова встал на ноги и с надеждой смотрел на мужчин, задрав голову. Широкая улыбка все еще освещала его лицо.

— Да он же идиот, я их на раз отличаю, — заявил второй всадник.

— Крестьянский ублюдок.

— А есть разница?

Оба рейтара рассмеялись. Мальчик услышал, как в дверях, оставленных открытыми, загрохотали сапоги. Он ждал, что вот-вот хозяин и его семья выйдут во двор, однако этого не случилось. Не было видно даже слуг, которые обычно, прихватив косы и цепи, держались на заднем плане, исполненные надежды, что кто-то спровоцирует ссору. Он подумал о Леопольде, который лежал со сломанной ногой в конюшне, но тут кое-что отвлекло его внимание: один из спешившихся кирасиров потянулся к шлему, рванул кожаные ленты, свисавшие с его закованного в железо тела, и, извиваясь, освободился от брони. Он оказался обычным мужчиной в пропитанной потом рубашке, с лохматой бородой и спутанными волосами. Мальчик смотрел на него не столько разочарованно, сколько удивленно, не веря, что с железным всадником могла произойти такая перемена. Тощий мужчина встряхнулся, наклонился к шпаге, лезвие которой он вонзил в землю, высвободил оружие и, сделав длинный шаг к ближайшей овце, проткнул ее клинком.

Блеяние овцы захлебнулось кашлем. Передние ноги подогнулись, но она попыталась встать. Другие овцы разбежались. Мужчина со шпагой вытащил лезвие и снова нанес удар. Овца вздрогнула и завалилась набок, ее ноги судорожно задергались.

— Ты что, даже тупую скотину одним ударом зарубить не можешь?! — воскликнул один из кирасиров. — Как на поле боя!

— Поцелуй меня... — ответил мужчина со шпагой и принялся искать взглядом свои пожитки.

— Никаких пистолетов, — приказал всадник, который привез мальчика. — Побереги порох, он пригодится нам завтра.

— Так дело не пойдет, — услышал мальчик свой собственный голос. Все рейтары удивленно уставились на него. Овца упала на землю и захрипела. — Ей нужно перерезать глотку, — добавил он.

— Ты смотри-ка, умелец нашелся. Ну, давай, покажи, как это делается, засранец.

Мальчик подбежал к лежащей на земле овце, наклонился к ней и обеими руками схватил за голову. Затем оттянул ее назад и обнажил горло. Выжидающе посмотрел на мужчину со шпагой. Тот нанес удар. Тело овцы напряглось, она задрожала. Из раны толчками полилась кровь и стала с хлюпаньем растекаться по земле. Мужчина снова поднял шпагу, но на этот раз ее конец был направлен на мальчика.

— Оставь мальчишку в покое, идиот, — выругался предводитель рейтаров. Охая, он слез с коня, потянулся и ткнул пальцем на курятники и овец. — Тащите сюда милых птичек вместе с яйцами и зарежьте столько овец, сколько можно увезти. Если отыщете коз, не убивайте их. Мы возьмем их с собой: молоко нам может пригодиться. Эту нужно выпотрошить и приготовить: сегодня вечером мы задним числом отпразднуем Пасху! — Он подмигнул мальчику и кивнул ему. — Иди за мной.

Мальчик проследовал за ним в дом. В помещении находилось несколько всадников, а шум наверху подсказал ему, что по спальням бродят другие люди. Он удивился, что членов семьи нигде не видно. Это совершенно не похоже на хозяина — оставлять подворье без охраны, тем более когда в него вваливаются иностранцы. Рейтары забирали себе платки, одеяла и одежду, хватали без разбора кухонный инвентарь и инструменты и складывали в мешки. С верхнего этажа до их слуха донесся треск бьющихся глиняных плошек, а затем вниз полетели целые тучи перьев: кирасиры взрезали перины и подушки и высыпали их содержимое в походные сумки. Один из незваных гостей посмотрел на горящую пасхальную свечу под образами, словно она разбудила в нем давнее воспоминание и он не знал, покориться ему или отмахнуться. Затем он ладонью

потушил огонек и сунул дорогую восковую свечу в мешок. В борде у него застряли раздавленный желток и кусочки красной скорлупы. В коптильне раздались громкие ликующие крики — кирасиры обнаружили шпик и колбасы, оставшиеся после празднования Пасхи несколько дней назад.

— Кто здесь живет? — спросил мальчика предводитель рейтаров.

— Хозяин и его люди, — ответил тот.

— Он твой отец?

Мальчик вспомнил, что хозяин обычно обращался с ним значительно грубее, чем с сыновьями и дочерью, однако мягче, чем со слугами или пастухами. Он засомневался.

— Мою мать зовут Кристель, — ответил он. Это, по крайней мере, он знал наверняка.

— Она хозяйка?

— Не-а, — гордо возразил мальчик. Хозяйка обычно сидела в комнате и весь день ломала руки. Его мать, напротив, много работала. — Служанка.

— Ну, так ты ублюдок, — ухмыльнулся всадник. — А куда все остальные подевались-то?

Мальчик пожал плечами. Он смотрел, как мужчины разбирают медную и оловянную посуду и упаковывают обломки. Другие вырывали оконные рамы и бросали их наружу, а за ними — скамьи и кровати. Пахло дымом: кто-то пытался разжечь перед домом огонь.

— Мы храним дрова в амбаре, — заметил он.

Рейтары вели себя очень странно. Если они хотели зажарить овцу, которую зарезали, то им следовало взять колотые дрова, ведь из мебели получится жаркий и мощный костер, и мясо просто сгорит. Ему показалось смешным, что эти люди, умеющие прямо-таки летать на лошадях и заковывать себя в железо, ничего не понимали в растопке.

— Что тебя так насмешило, детеныш?

— Ничего, — ответил мальчик и хихикнул.